

КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ В КОНТРАСТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: ГЛАГОЛЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Анотація. У статті розглядаються різноманітні трактування категорії каузативності у сфері дієслів, зокрема дієслів пересування. Аналізуються деякі ознаки, яким окремими дослідниками надається статус креативних чинників категорії.

Ключові слова: каузація, каузативність, засоби вираження.

В ряде работ последних лет категорию каузативности с заслуживающим внимания постоянством квалифицируют как по-прежнему актуальный объект лингвистического исследования, особенно в рамках «антропологической парадигмы» [10: 81], – несмотря на то, что ее изучение имеет длительную историю. Мы полностью согласны с подобными утверждениями, и соответствующая проблема отчасти нами затронута, в частности, в [3–6]. Однако в этих статьях их автор подходит к каузативным глаголам перемещения как к своего рода неоспоримой данности, как к такому явлению, параметры которого в языковой системе достаточно четко определены и не нуждаются в комментариях. Между тем ознакомление с исследованиями, посвященными каузативным глаголам и категории каузации в языке, подводит к мысли, что не всё в этой категории достаточно ясно и однозначно. Данное исследование имеет целью анализ некоторых базовых положений, которые кладутся в основу лингвистической интерпретации категории и значения каузативности и, соответственно, каузативных глаголов. Однако вначале необходима некая «преамбула», из которой стало бы ясно, какая, собственно, мотивация определяет выбор в качестве объекта данного исследования именно глаголов перемещения и, в частности, подгруппу глаголов со значением каузированного перемещения.

Стимулом к изучению этого вопроса является несовпадающая префиксальная валентность у глаголов в разносистемных языках, например, в русском и венгерском. Данная проблема отражена в ряде наших работ, однако лишь в последних из них затрагиваются такие аспекты, как разный набор глагольных префиксов с векторно-директивными словообразовательными значениями (СЗ)¹, которые присоединяют мотивирующие глаголы одних и тех же семантических групп в обоих языках, и, как следствие, разная по избирательности реализация одноименных СЗ у коррелятивных производных

глаголов; изменение/сохранение стилистической окраски производных глаголов; наличие/отсутствие в них семантических приращений и т.п. [3–6] Столь пристальное внимание к глаголам перемещения в этих языках вызвано тем обстоятельством, что использование их носителями национального языка (ре)конструирует индивидуальные и неповторимые картины отображенного в этом языке мира, эксплицирует нетождественную интерпретацию языками одних и тех же фрагментов действительности. Ср.: «Трудно вообразить, что носители разных языков, имея одинаковую физиологическую структуру, перемещение в пространстве как физический процесс могут воспринимать по-разному. Однако в естественных языках список глаголов перемещений может существенно отличаться... Анализируя и сравнивая глаголы перемещения разных языков, мы получаем возможность определить вариативность такого выделения и выяснить значимость отдельных компонентов для отдельного этноса и представленной им культуры» [15: 42-43].

Цитируемый автор в своем высказывании оперирует материалом таких несводимых друг к другу в типологическом и генетическом отношении языков, как русский и китайский, в которых к тому же проявляются принципиально различные национально-психологические и культурные составляющие. Венгерский язык, пожалуй, не является по отношению к русскому столь же экзотическим, как китайский, отображая сходную (европейскую) культуру; однако и в нем перечень глагольных наименований различных типов и видов перемещения в целом не идентичен русскому. Общим для обоих языков является автономное существование в них двух подсистем глаголов, называемых (а) самостоятельное и (б) каузированное некоторым субъектом перемещение. Для соответствующих массивов глаголов, находящихся в отношении межязыковой коррелятивности, существуют разные семантические параметры, которые играют роль классифицирующих признаков в последующем членении внутри обоих массивов.

Так, в массиве глаголов самостоятельного перемещения ведущим семантическим признаком является дифференциально-интегри-

¹ Т.е. в значениях 'направить(ся) вверх/наружу/вниз/прочь' и под. Перечни этих СЗ имеются, например, в [14: 395] и [19] – в последнем в словарных статьях, посвященных отдельным превербам.

рующая сема 'тип перемещения' (пешком, бегом, ползком и т.д.). Соответствующие группы – типы – возглавляются базовыми глаголами ИДТИ, БЕЖАТЬ и т.д., в венгерском, соотв., MENNI, FUTNI etc. Глаголы, входящие в эти группы, в свою очередь, называют различные виды (разновидности) типового перемещения с точки зрения способа, манеры, темпа и т.д. Однако подобный подход к характеристике глаголов **каузированной** перемещения, т.е. классификация их, например, по типам перемещения – бросок, волочение и т.п., как в ([8: 42 и сл.] – не дает столь же четких результатов. Массивы глаголов каузированной перемещения в обоих языках, по нашим данным, характеризуются иными семантическими признаками, положенными в основу их членения на (под)группы. Префиксальная валентность мотивирующих глаголов со значением каузации перемещения зависит в обоих языках не только (и не столько) от параметра 'тип/вид перемещения', но в значительной степени от таких экстралингвистических факторов, как характер перемещаемого объекта (живой/неживой); природа перемещающего субъекта (живой/неживой) – т.е. является ли действителем реальный субъект (человек, реже животное, птица и т.д.) или это неодушевленный предмет/сила (транспортное средство, стихия), – в этом случае он персонифицируется; использование/неиспользование активным субъектом-движителем каких-л. дополнительных средств для перемещения объекта (механизмов, средств) – кроме собственных физических возможностей и др. Наборы этих признаков и их числовое выражение в целом различны для отдельных групп каузативных глаголов перемещения, а сами группы отличаются друг от друга разными семантическими сценариями (см.: [5]). И все же, какие имеются семантические основания для выделения отдельного корпуса глаголов каузированной перемещения, помимо нетождественной валентности их с префиксами векторно-директивных СЗ, по сравнению с глаголами самостоятельного перемещения?

Обобщенный (инвариантный) сценарий для глаголов каузированной перемещения в двух сопоставляемых языках может выглядеть так: 'субъект S (живой или неживой – персонифицированный) прилагает определенные усилия (физические или другие) с применением/неприменением вспомогательных средств (механизмов, орудий) к некоторому объекту O, воспринимаемому как отдельное физическое тело, затем, чтобы данный объект покинул занимаемое им первоначальное (исходное) место/предмет – локум L₁, который ассоциируется с определенным (ограниченным) фрагментом пространства, и переместился по пути (траектории) T на/в другое место/предмет (занял ло-

кум L₂)'. Или, в более обозримом виде: 1) субъект S воздействует на неподвижный объект O с целью заставить его покинуть исходный локум L₁; 2) объект O под воздействием приложенных к нему усилий со стороны S-а покидает исходный локум L₁ и движется по траектории T в определенном S-ом направлении к некоторому локуму L₂; 3) объект O занимает локум L₂. Реализуются самые разнообразные варианты этого общего сценария за счет различного наполнения таких слотов, как природа перемещаемого объекта и перемещающего субъекта, наличие/отсутствие постоянного контакта между S и O, использование/ неиспользование субъектом S дополнительных средств к перемещению O, – в связи с чем в предыдущих исследованиях нами и были выделены разные семантические группы глаголов каузированной перемещения.

А теперь вернемся к вопросу о том, каковы ведущие признаки, лежащие, по мнению ученых, в основе языковой категории каузативности.

1) Важнейшим признаком каузативного глагола исследователи называют обязательную для него сему причинности [17: 2], сигнализирующую о факте «активного начала, которое обусловливает собой другое действие» [18: 113]. На это обращается внимание в ряде работ [2: 1; 7: 76; 9: 65 и др.]. Фундаментальная для человеческого сознания и существования философская категория причинности в языковом воплощении ядерное свое выражение находит как раз в каузативных глаголах, т.е. в глаголах – названиях действий, «побуждающих к изменению действия, качества, состояния» [18: 118]². Наступление нового качества или состояния у вещи, актуализация ею нового действия в результате активных усилий субъекта является, безусловно, свидетельством проявления предшествующего причинного стимула. Причинно-следственное значение, таким образом, исходя из приведенных логических посылок, достаточно обоснованно можно интерпретировать в качестве трансформации значения каузации (каузативности)³.

2) «Глагол относится к разряду каузативных, если существует его некаузативный противочлен» [18: 112]. В парах *разбить* – *разбиться*, *усыпить* – *спать*, которые приводит в качестве примеров упомянутый автор, вторые члены пар выступают как некаузативные оппозиты первых – каузативных глаголов – и имеют значение следствия, обусловленного семанти-

² Ср. также: «Каузативные глаголы – это глаголы, выражающие значения воздействия на объект с целью заставить (или дать) его действовать или внести в его состояние какие-то изменения» [17: 1].

³ Ср.: «Семантика каузативности основана на выражении причинно-следственных связей между элементами объективной действительности» [7: 79].

кой первых [7: 79]. С этим можно было полностью согласиться, если бы во всех языках каузативные глаголы представляли собой категорию или подсистему в виде строгих оппозиций, построенных по одним и тем же принципам. Однако в разных языках каузативное значение относится к различным уровням (подсистемам) и выражается разными способами. Н. Лемиш, например, разграничивает лексический, фразеологический, словообразовательный, морфологический и синтаксический глагольные каузативы [10: 184], и разные языки оказывают различное «предпочтение» тем или иным из них. Что же касается лексических каузативов, то включение их в оппозиции, подобные вышеприведенным, но в статусе, близком к членам фонетических или грамматических оппозиций, вызывает у нас возражения.

Принимая в целом возможность интерпретации каузативного значения в виде его причинно-следственного «трансформа», позволим себе заметить, что, с нашей точки зрения, введение в понятие каузации тезиса об изменении состояния объекта или побуждении его к действию в результате воздействия на него выглядит несколько надуманным. Ибо не всегда можно выявить четкие основания для семантического соотнесения каузирующего (мотивирующего, причиняющего) действия и каузированного (последовавшего) действия или состояния. Вряд ли возможно всегда жестко связывать каузативный глагол с понятием причины, а некаузативный его противочлен – с понятием следствия, как это делает Е.А. Дадуева. Что, например, является следствием процесса каузации перемещения, обозначенного глаголами *везти* или *нести*? Вероятно, появление при/перевезенного или при/перенесенного предмета в каком-то определенном месте, которое является конечной целью или ориентиром (L₂) каузированного перемещения. Но, в строгом смысле, какие семантические оппозиции – некаузативные корреляты со значением следствия – имеются для этих двух глаголов? А если взять каузативный глагол *бросить* («переместить броском»), то каким будет его семантический коррелят-некаузатив? Может быть, *лететь*? Ведь брошенный предмет какое-то время движется в воздухе. Однако в конце этого процесса, подчиняясь гравитации, он неизбежно упадет на землю. Тогда искомым коррелятом, с той же степенью достоверности, должен быть глагол *упасть*. Таким образом, пытаться во что бы то ни стало подобрать некаузативный коррелят для лексического каузатива (и утверждать, что только благодаря наличию некаузативного глагола как пары для каузативного возможны само значение и категория каузативности) вряд ли целесообразно и корректно. Заслуживает в этой связи внимания важное,

на наш взгляд, замечание относительно лексических каузативов, что в них «значение причинения, влияния на объект материально никак не выражается и существует лишь в области нашего сознания (языковой памяти и опыта)» [17: 1]. В таком случае в качестве некаузативных коррелятов лексических каузативов могут быть приняты те глаголы, которые называют естественный и предсказуемый процесс (состояние) – результат мотивирующего (каузирующего) действия, типа *лечь – течь*, *сажать – сидеть*, *будить – просыпаться* и др. (примеры И.А. Шороховой).

Цитируемый автор, кроме того, предлагает свою семантическую классификацию каузативов из 5 разрядов и в отдельный разряд выделяет глаголы, каузативное значение которых не предполагает обязательного наступления каузированного действия или состояния – глаголы типа *велеть*, *умолять* и др.: *просил отдать*, *велел работать*. В подобных конструкциях, по мнению И.А. Шороховой, значение следствия не выражено [17: 5], т.е. нерелевантно. Данное наблюдение также подрывает выдвигаемый многими исследователями постулат об обязательности компонента со значением следствия в каузативном значении.

3) В связи с разновидностями каузативных глаголов, выделенными в статье Н. Лемиш, стоит упомянуть предложенную Ю. Баклаговой дихотомическую схему, в которой различаются грамматический каузатив и лексический каузатив [2: 1] и которая представляется нам более достоверной. Каузативные глаголы в рамках каждого из типов принципиально различаются и своим содержанием, и функциями. Так, «в лексическом каузативе в семантику глагола входят отношение каузации, каузирующее действие и каузируемое действие. Отношение каузации и каузируемое состояние включаются в семантику предиката и не имеют отдельного выражения в предложении» (там же, 2). Напр.: *Он разрезал ножницами бумагу* (пример Ю. Баклаговой).

С другой стороны, при таком подходе корпус лексических каузативов раздвигается до чрезвычайно широких границ⁴, в каузативном значении становится возможным «заподозрить» любой глагол, имеющий значение переходности⁵ – которое, кстати, также выдвигается исследователями в ряд важнейших или даже маркирующих, признаков

⁴ Напр., А.П. Чудинов выделяет свыше 20-ти лексико-семантических групп каузативных глаголов, среди которых упоминается и ЛСГ глаголов передвижения [16: 23].

⁵ Значение переходности у каузативных глаголов естественным образом влечет ассоциацию о связях между категориями каузативности и диатезы; так, некоторые исследователи относят к каузативам возвратные глаголы типа *просыпаться*, *бриться* [17: 6]. Соотношение между обеими категориями рассматривается здесь же.

каузативности. С.В. Шустова, например, прямо говорит, что «переходность рассматривается синтаксическим выражением семантики каузативности» [18: 117]. Однако имеется множество переходных глаголов, значения действия у которых лишено семы мотивации другого действия или нового состояния у объекта, охваченного первоначальным действием: *пить, есть, любить, ругать* и мн.др. Так, если, например, *убить* – это «каузировать не жить», то какой каузирующий момент содержат в себе эти и другие глаголы? (Тот аргумент, что они содержат в себе «имманентный» или «имплицитный каузативный элемент», выглядит неубедительным, надуманным.) Очевидно, признак переходности не является необходимым и достаточным для безусловной констатации у глагола каузативного значения. Соотношение между каузативностью и переходностью можно, пожалуй, сформулировать таким образом, что всякий каузативный глагол является переходным, но не всякий переходный глагол – это непременно каузатив⁶. Попутно необходимо подчеркнуть, что конституирующей семой в значении каузативности является воздействие на уже **наличествующий** объект. И правы те исследователи, которые выводят глаголы типа *строить* из категории каузативных, т.к. эти глаголы не имеют значения воздействия на объект [7: 77]: последний еще только находится в процессе созидания субъектом. Объект как «центральный участник (или актант) в каузативной макроситуации» [2: 2] при каузативном глаголе может быть только пациенсом, но не результатом.

Гораздо более обозримым выглядит у Ю.В. Бакаевой массив синтаксических каузативов, используемых в особых конструкциях со значением побуждения к совершению действия. Эти глаголы никакого другого значения, кроме значения непосредственной каузативности (обусловленности, причинности) иного действия не выражают, т.е. не включают, к примеру, имплицитный компонент ‘каузируемое действие/состояние’, как лексические каузативы. Это глаголы с модальным значением волеизъявления типа *велеть, заставить* и др.⁷ Их, поэтому, справедливо квалифицируют как связки, т.е. как служебные – грамматикализованные – элементы синтаксических конструкций, в которых они используются, напр.: *Я велел ему надеть пальто*. Подобные глаголы встречаются в ряде европейских языков, однако, например, в венгерском (который выступает целевым языком в наших сопоставительных изысканиях) они как

отдельная функционально-семантическая группа, т.е. как грамматикализованные служебные элементы в каузативных конструкциях указанного типа, отсутствуют. В венгерском каузативность является словообразовательной категорией и регулярно выражается специальными суффиксами [12: 97-102], ср. *olvasni* «читать» – *olvastatni* «заставить читать». Заметим, что в данном случае речь идет о каузативном значении как единственном и ведущем в семантике производного слова, – со статусом такого значения, которое «является одним из наиболее часто выражаемых в языках мира словообразовательных значений» [13: 210]. Ибо каузативное значение отмечается во множестве суффиксальных и префиксальных производных в разных языках, в том числе и в русском, но с другими ведущими словообразовательными значениями, – т.е. в качестве сопровождающего, – в дериватах типа *колонизировать, военизировать* и т.д. (Н. Лемиш, впрочем, считает используемые в них словообразовательные форманты полноправным средством выражения каузативного значения [10: 185-186]). К каузативности «в чистом виде» в словообразовательной плоскости относятся, по нашему мнению, примеры типа вышеприведенного венгерского каузативного глагола *olvastatni* со специальным суффиксом, который никакого иного значения, кроме каузативного, не имеет. Особенностью этого способа выражения каузативности является модификационный характер словообразования, когда производный глагол семантически не отличается от мотивирующего глагола ничем, кроме каузативного значения, которое является в производном главным. В иных случаях, при мутационном или синтаксическом характере способа образования, посредством префиксальных или суффиксальных формантов (как в примерах Н. Лемиш), каузативность не является центральным и единственным грамматическим значением в производном слове.

* * *

Таковы, вкратце, наши соображения по поводу проблемы каузативных глаголов и, шире, значения каузативности, с которой мы встретились в процессе исследования внутриглагольного префиксального словообразования в русском и венгерском языках, в частности, при изучении глагольной лексики движения. Соответствующие глаголы (мотивирующие) семантически и функционально соотносительны, поскольку в них значение каузативности относится к одному и тому же уровню – лексическому. Поэтому их описание возможно на одних и тех же основаниях, по одним и тем же принципам, исходя из оптимальной интерпретации понятия каузативности – **сделать так, чтобы** (‘X делает так, чтобы Y’), – когда некоторое событие представляется «как непосредственный результат действия некоего лица» [1: 176].

⁶ Заметим, что признание каузативными «только прямопереходных глаголов типа *гнать, поить, успокаивать, сердить*, управляющих объектом в форме винительного падежа», квалифицируется отдельными исследователями как «узкое понимание каузативности» [11: 75].

⁷ В этот список ряд ученых включают и глагол *дать*, в котором, на наш взгляд, не содержится никакого модально-волевого «зерна» каузативности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: «Наука», 1976. – 383 с.
2. Баклагова Ю.В. Семантика контактных и дистантных каузативов (на материале русского и немецкого языков) / Ю.В. Баклагова // Вестник Адыгейского ГУ. – Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – Вып. № 1. – 4 с. // Режим доступа: cyberleninka.ru>Научные статьи> Языкознание
3. Виноградов А.А. Семантические параметры глаголов каузированного перемещения в контрастивных словообразовательных исследованиях / А.А. Виноградов // Науковий вісник УжНУ. – Серія: Філологія. – 2015. – Вип.1 (33). – С. 5-10.
4. Виноградов А.А. Префиксальная валентность русских и венгерских глаголов каузированного перемещения в составе семантических групп / А.А. Виноградов // Науковий вісник УжНУ. – Серія: Філологія. – 2015. – Вип.2 (34). – С. 5-12.
5. Виноградов А.А. Префиксальная валентность русских и венгерских глаголов каузированного перемещения в аспекте их семантических параметров / А.А. Виноградов // Науковий вісник УжНУ. – Серія: Філологія. – 2016. – Вип.1 (35). – С. 5-11.
6. Виноградов А.А. Антропоцентрический фактор в параметризации каузированного перемещения: векторно-директивные глагольные префиксы – I / А.А. Виноградов // Науковий вісник УжНУ. – Серія: Філологія. – 2017. – Вип.1 (37) [в печати]
7. Дадужева Е.А. Общая характеристика каузативных глаголов / Е.А. Дадужева // Вестник СибГУТИ. – 2011. – № 2. – С. 76-81.
8. Ибрагимов В.Л. Семантика русского глагола: лексика движения / В.Л. Ибрагимов. – Уфа, 1988. – 80 с.
9. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке / Т.А. Кильдибекова. – Изд-во Саратовского ун-та. – Саратов, 1985. – 160 с.
10. Леміш Н. Каузативне дієслово як універсальний засіб граматикалізації каузації в різноструктурних мовах / Н. Леміш // Мова і культура. – 2013. – Вип. 6. – Т. 3. – С. 181-187.
11. Литвинович А.Г., Ольшевська К.Ч. Границы класса каузативных глаголов в русском и белорусском языках / А.Г. Литвинович, К.Ч. Ольшевська // Компаративні дослідження слов'янських мов і культур. – 2014. – Вип. 25. – С. 74-77.
12. Майтинская К.Е. Венгерский язык. – Ч. II: Грамматическое словообразование / К.Е. Майтинская. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 227 с.
13. Плуноян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику / В.А. Плуноян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
14. Русская грамматика. – Т. I / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
15. Цзинь Тао. Психолингвистический портрет глаголов перемещения (на материале русского и китайского языков) / Тао Цзинь // Вопросы психолингвистики. – М., 2014. – № 2 (20). – С. 42-55.
16. Чудинов А.П. Семантическое варьирование русского глагола / А.П. Чудинов. – Свердловск, 1984. – 72 с.
17. Шорохова И.А. Аспекты семантики каузативных глаголов / И.А. Шорохова // Режим доступа: www.lib.csu.ru/vch/086/022/ – 7 с.
18. Шустова С.В. Принципы выделения каузативных глаголов / С.В. Шустова // Вестник Тюменского ГУ. – 2006. – Вып. № 7. – С. 112-118.
19. Magyar értelmező kéziszótár / Lekt. J. Garamvölgyi. – Bp.: Akadémiai Kiadó, 1977. – 1550 old.

Anatoly Vinogradov

A category of causation in contrastive investigations: verbs of motion

Summary. The article deals with different interpretation of the category of causation as for verbs, in particular the verbs of motion. Some parameters being analyzed, which are considered the creative constituents of the category by some linguists.

Key words: causation, causativity, explication remedies.

Одержано 05.03.2017 р.